

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI:

10.46698/VNC.2024.93.54.018

КРЕПОСТНОЙ КОМПЛЕКС В УЩЕЛЬЕ КАРЦУХ
ЛЕНИНГОРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
ПО СВЕДЕНИЯМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ОПИСАНИЯМ
В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Э.В. Казиев

Целью настоящего исследования является насколько можно полное историческое представление крепостного комплекса, расположенного в ущелье Карцух Ленингорского района РЮО. Материалами для исследования послужили сведения письменных источников о рассматриваемом комплексе, а также его описания, представленные в научной литературе. Актуальность работы определяется необходимостью анализа имеющихся сведений о комплексе, которые противоречивы в определении хронологии его строительства. Для решения этого вопроса в исследовании использовался метод, предложенный Р.Г. Дзаттиаты и состоящий в том, чтобы при датировании башен с плоским прямоугольным фасадом и округлым тылом сочетать археологические данные о башнях такого типа и сведения письменных источников, имеющиеся о конкретном таком памятнике. Согласно принятому в науке мнению, главная башня комплекса, относящаяся к указанному типу башен, была возведена в VI-VII вв. Использование предложенного метода позволило пересмотреть эти датировки, что составило научную новизну исследования. Результатом исследования стал вывод о том, что начало строительства сохранившихся до настоящего времени построек комплекса следует относить ко второй половине XIII в. и связывать с родом ксанских эриставов Квенниневели, имевших осетинское происхождение. Вместе с тем в исследовании разделяется принятое в научной традиции мнение о том, что последующие работы по перестройке комплекса проводились в период XV-XVII вв. Однако указывается на необходимость дополнительной аргументации этого мнения, которая может быть получена только в ходе специального полевого исследования.

Ключевые слова: крепость Карцух/Карчох, башни с плоским фасадом и округлым тылом, хронология.

Для цитирования: Казиев Э.В. Крепостной комплекс в ущелье Карцух Ленингорского района Республики Южная Осетия по сведениям письменных источников и описаниям в научной литературе // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 54(93). С.5-15. DOI: 10.46698/VNC.2024.93.54.018

Крепостной комплекс второй половины XIII-XVII вв., расположен на скалистом склоне по левую сторону р. Чысандон при впадении в нее небольшой речки, вытекающей из ущелья селения Ухер (груз. Охири), в 250 м к востоку от с. Паулиатæ (груз. Пъаулиани)

в ущелье Карцух (груз. Карчохи). А.И. Гильденштедт называет эту речку «ручей Карчох», неверно локализуя его в Цхрадзмийском ущелье, которое находится юго-восточнее. Крепость занимает стратегическое положение, контролируя проходы из Чысанского ущелья

на север в Дзимирыское ущелье, на восток через перевал Ломиса в Гудское ущелье и на запад в ущелье Цурта (рис. 1).

Первое упоминание селения под названием *Карчохи* грузинская традиция относит к X в., находя его в «Гуджаре [грамоте] постуе плений паствы [епархии] Самтависи» [1, 10; 2, 30]. Это же селение упоминается в аналогичной грамоте, датируемой С.С. Какабадзе не позднее XIV в. [3, 174]. Топоним *Карчохи* вновь упоминается в «Грамоте поступлений паствы [епархии] Самтависи» в 1649 г. [4, 47], однако из содержания этого гуджара неясно,

обозначено ли этим топонимом вновь селение или уже локальная ущельная община, включавшая несколько селений от селения Елойта до селения Харбал. По версии С.И. Макалатиа, селение Карчохи находилось на месте современного селения Паулиатае [5, 110]. Осетинским вариантом топонима является *Карчох*, в современном чысанском говоре осетинского языка – *Карцух* [6, 36–38]. Последняя форма имеет ряд параллелей в осетинской и грузинской топонимике, и обе формы могут быть соотносены с абхазской фамильной антропонимикой [7, 233, 263].

Рис. 1. Крепостной комплекс в ущелье Карцух. Ситуативный космоснимок

Рис. 2. Крепостной комплекс в ущелье Карцух. Вид с юга. Фото М.Э. Мамиева

В официальном издании итогов переписи населения РЮО 2015 г. указана Карцухская сельская администрация, расположенная в Ленингорском районе и включающая десять селений, среди которых селение Карцух/Карчо не упоминается [8, 17].

Одним из названий крепости в литературе принято считать топоним *Цхморис/Цхмурис/Шхморис цихис* (груз. *ცხმორის/ცხმურის/შხმორის ციხის*) [9, 30; 5, 108], указанный И.А. Гильденштедтом как «Смори, крепость» в перечне топонимов округа селения Ломиса в описаниях его путешествий по Кавказу [10, 236] и Грузии [11, 274, 275]. Вероятно, этот же топоним указан И.А. Гильденштедтом в «Путешествии по Кавказу...» как место «Шмори» округа «Чурта» [10, 181] и как селение «Шмори» в том же округе в его «Географическом и статистическом описании Грузии и Кавказа» [12, 173]. В настоящее время крепость называют Карчохой [13, 67] или крепостью у селения Елойтаэ (груз. Елоиани) [14].

Первым же известным упоминанием рассматриваемой крепости вместе с топонимом *Карчохи*, следует, вероятно, считать хронику «Памятник эриставов», составленную между 1405 и 1407 гг. В хронике говорится о том, что в ходе противостояния грузинского царя Давида VIII (прав. в 1293-1311 гг.), которого, как сообщает грузинская «Столетняя летопись» XIV в. [15, 202, 207], поддерживали «овсы» с их царем/царевичем Фареджаном, и имеретинского царя Вахтанга II († 1292), которого поддерживала большая часть грузинской знати и ксанский эристав Шалва, войска Давида VIII на протяжении семи лет разоряли Ксанское эриставство и «с крепостями сражались в Квенипневи, Карчохи, Колоти и Исроли, но не смогли взять их» [16, 112-113]. П.П. Закарая, на основании отсутствия в хронике «Памятник эриставов» упоминания крепости в Карчохи среди названий уцелевших крепостей Ксанского эриставства, полагал, что крепость могла быть частично разрушена в ходе нашествия в регион эмира Тимура в 1400 г. (см. ниже) [17, 190].

В 1624 г. при крепости состоялась битва объединенных войск моурави Георгия Саакадзе, ксанского эристава Йесе и брата арагвского эристава Зураба Георгия с персидским войском, возглавляемым правителем Исфа-

хана Хосро-мирзой (Ростом-хан, в 1633-1658 гг. царь Картли, в 1648-1656 гг. царь Кахети) – сыном картлийского царя Давида XI (Дауд-хан, прав. в 1569-1578 гг.) от наложницы. Как сообщает Вахушти Багратиони, «кызылбаши... перешли гору Ломиса», но выход из ущелья на «ксанскую дорогу» им перекрыло объединенное грузинское войско [18, 60]. Кызылбаши проиграли ожесточенную битву, но Хосро-мирза смог прорваться сквозь ряды противника и уйти в Тбилиси, «ибо не смогли отнять у него женщины той», ради которой кызылбашам пришлось преодолевать Крестовый перевал, а затем и Ломисский хребет – дочери корчибаша (начальника сефевидской гвардии), родственницы шаха и жены горийского владельца князя Андуканара Амилахори [18, 58]. Супруги, вследствие народного недоверия, были заточены в крепости у с. Арша в Арагвском эриставстве в 1623 г. перед побоем в Марткопской битве 1623/1625 г. войска кызылбашей Карчи-хана, отправленного шахом Аббасом I Великим (прав. в 1588-1628 гг.) для истребления кахетинцев и переселения картлийцев в Персию [18, 58]. Георгий Саакадзе и эристав Зураб, служившие шаху, не пожелали, однако, в этом участвовать и организовали восстание, за что у моурави был убит сын и у эристава жена, находившиеся в заложниках в Персии [18, 57], а в регион было отправлено карательное войско упомянутого корчибаша, разгромившего объединенное грузинское войско в Марабдинской битве 1624/1625 г. и отправившего затем Хосро-мирзу спасть свою дочь в верховья Терека [18, 58-59]. Георгий Саакадзе, получивший ранения в ходе битвы с войском Хосро-мирзы, некоторое время находился в крепости Карцух на излечении [5, 110]. Саму же «крепость Карчохи» Вахушти Багратиони локализует к северу от р. Цхразма, уточняя что «ее обтекают с юга (запада. – К.Э.) Ксан, а с востока (юга. – К.Э.) – речка, вытекающая из Ломисис-мты (Ломисской горы. – К.Э.)» [19, 79].

Комплекс состоит из нескольких построек, возведенных или восстановленных в разное время (рис. 2). По мнению П.П. Закарая и ряда других исследователей, самой ранней постройкой комплекса является донжон, относящийся к типу башен с плоской фасадной

стенной и округлой тыльной и возведённый в VI-VII вв. [17, 190; 13, 67; 9, 30; 2, 39; 20, 184]. Вместе с тем, вопрос о хронологии строительства таких башен является дискуссионным в научной литературе, что требует здесь краткого экскурса в историографию его предлагаемых решений.

Закарая указывает расположение основного массива таких «башен с цилиндрической спиной» на территории бассейна истоков и верхнего течения рр. Терек, Арагви, Чысандон, Большая и Малая Лиахвы, Лехура и Медзыда, определяя ряд их типовых архитектурных особенностей следующим образом: устройство входного проема высоко над дневной поверхностью земли (около 4 м); расположение входного и оконных проемов в плоской стене как правило, по ее центральной вертикальной оси (или симметрично относительно нее); деревянные, за редким известным исключением (башня «замка Колоти» в верховьях р. Лехура), межэтажные перекрытия; отсутствие боевых устройств (бойниц); возможное наличие широких и высоких арочных проемов на утраченных верхних этажах таких башен, служивших для обороны; предполагаемая двускатная кровля (рис. 3) [21, 125]. Однако, отмечая эти общие конструктивные особенности, исследователь не приводит каких-либо критериев для их хронологической дифференциации в предполагаемом им широком периоде строительства такого типа башен, относимом к V-XVII вв., исключая наличие оружейных бойниц, появляющихся в башнях с XVI в. [21, 126]. Справедливо отмечая недостаточную изученность башен этого типа, в другой своей работе Закарая обозначает сразу два хронологических периода строительства подобных сооружений: V-XVII и X-XVII вв. [22, 121, 209].

В недавно вышедшей коллективной монографии признаки, на основании наличия которых предлагается хронологически дифференцировать «башни с круглой спиной», были определены Г. Гогочури, раздвинувшем еще на два столетия и без того широкие хронологические рамки строительства подобных памятников: 1) IV-IX вв., раннее средневековье – сухая кладка стен, башни сохранились в виде развалин; X-XV вв., высокое средневековье – кладка из более мелкого рваного

камня как сухая, так и с использованием известкового раствора; XVI-XVIII вв. – кладка из рваного камня на извести, появление в башнях бойниц для огнестрельного оружия [23, 119]. Однако, как видно, в ряду этих признаков дифференцирующим, как и у Закарая, является только один – огнестрельные бойницы, характерные для третьего периода строительства подобных сооружений. Прочие же признаки (сухая кладка, размер камней) либо могут являться общими для памятников, относимых к первым двум периодам, либо (кладка на извести) быть общим для памятников второго и третьего периодов, при том что, очевидно, степень сохранности того или иного сооружения вообще не может сама по себе определять время его строительства.

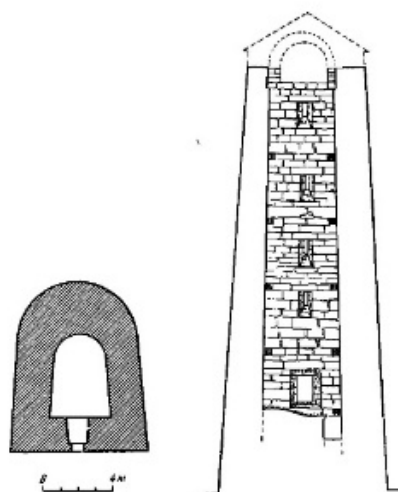

Рис. 3. План и разрез башни в с. Уканубани.
По П.П. Закарая

Используя наличие или отсутствие оружейных бойниц как датирующий признак, Р.Г. Дзаттиаты относит все югоосетинские башни, включая и «башни со спинкой», к XVI-XVII вв. [24, 38], хотя, как справедливо отметил П.П. Закарая (см. выше) последние из упомянутых башен вообще не имеют боевых устройств. В другой своей работе Дзаттиаты определяет общий период строительства большинства башен с плоским прямоугольным фасадом и округлым тылом (определение Дзаттиаты, которое, на наш взгляд, наиболее адекватно представляет главную типологическую особенность таких сооружений) временем XIV-XVI вв. [25, 38,

40]. Вместе с тем Дзаттиаты, справедливо полагая, что только археологические раскопки могут внести ясность в вопрос датировки памятников подобного типа [24, 38], связывает строительство некоторых из них напрямую с археологическим материалом XII-XIV вв. из исследованного им и рядом других ученых аланского т.н. Царциатского городища VI-XIV вв., расположенного на левом берегу р. Большая Лиахва у селения Едыс, где также находятся руины одной из башен рассматриваемого типа [26, 55].

В подтверждение этому предположению Р.Г. Дзаттиаты приводит датировку руин аналогичной башни, обнаруженных при раскопках, осуществлявшихся Р.М. Рамишвили в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса на реке Арагви. Архитектор В.Н. Джорбенадзе, определявший время строительства этой башни по сопутствующему археологическому материалу, относил его к XIV-XV вв. [26, 55; 27]. В этой же работе Дзаттиаты соотносит возможное время строительства таких башен со сведениями из второй, более поздней, части хроники «Памятник эриставов» (см. выше) о разрушении ксанским эриставом Шалвой Квенепневели/Сидамонтæ башен и крепостей двалов, что происходило, согласно Дзаттиаты, в начале XIV в. [26, 89]. Добавим, что в этой же хронике имеются сведения, сообщающие о том, что будущий род ксанских эриставов после переселения из Осетии в Двалетию начал «строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетской» [16, 110].

И.Т. Маргиев также отмечает, что появление башен подобного типа произошло задолго до появления огнестрельного оружия и вслед за Дзаттиаты связывает строительство подобных башен с Сидамоновыми и Бибиловыми [28, 211, 213] – младшим коленом средневекового осетинского правящего дома, переселившегося в Двалетию после смуты «в стране Овсетской» [16, 110]. Аналогичное предположение высказал А.А. Сланов [29, 381–382].

Представленный обзор продемонстрировал отсутствие объективных оснований у тех авторов, которые определяют время строительства башен с прямоугольным фасадом

и округлым тылом в широком хронологическом периоде, приходящемся на IV-XVIII вв. Вместе с тем нельзя отрицать того, что наличие огнестрельных бойниц, конечно же, является датирующим признаком, однако, как верно замечает П.П. Закарая, в башнях подобного типа они отсутствуют. Наиболее же верным для решения этого вопроса представляется подход, предложенный Р.Г. Дзаттиаты, состоящий в том, чтобы сочетать археологические данные, получаемые при полевых исследованиях местоположений конкретных памятников такого типа, и имеющиеся о них сведения письменных источников, которыми так богата грузинская традиция. Поскольку же в подавляющем большинстве случаев в местоположениях таких памятников археологические раскопки не проводились, наиболее объективным в настоящее время фактором, определяющим время строительства того или иного памятника, следует полагать именно сведения письменных источников, которые следует верифицировать посредством имеющихся, пускай и редких, данных, полученных в ходе археологических раскопок башен аналогичного типа. Такой подход предполагает определение датировок для каждой конкретной башни, что позволит избежать как слишком широких, так и слишком узких хронологических обобщений, и позволит, насколько возможно, сохранить относительную непредвзятость в решении этого вопроса.

Вышеприведенные сведения источников о существовании селения Карчохи в X в. дают возможность одним авторам относить строительство главной башни комплекса к этому же времени [5, 110], тогда как другие авторы временем IX-X вв. определяют ее перестройку, при том, что само строительство этой башни, повторимся, относится ими к VI-VII вв. [17, 190; 13, 67; 9, 30; 2, 39]. Очевидно, что то, в каком виде рассматриваемый комплекс сохранился до нашего времени, не может быть результатом синхронного строительства всех его элементов по общему архитектурному замыслу. Вместе с тем одного упоминания селения, у которого находится рассматриваемый комплекс, в источнике X в. явно недостаточно, чтобы датировать постройку башни этим же временем. Нельзя

отрицать того, что на месте башни комплекса могли быть другие более ранние фортификационные сооружения, но этими предположениями мы вторгаемся в непосредственный археологический горизонт событий *in situ*, а археологических раскопок на территории комплекса, насколько известно, не проводилось. Сведения же письменных источников о самом комплексе относятся к концу XIII в. (см. выше), и на этом основании будет верным определять второй половиной этого столетия начальное время строительства башни комплекса, которая всеми из указанных авторов, занимавшихся изучением комплекса, справедливо считается самой древней его постройкой. Дальнейшее же строительство и перестройка сооружений комплекса, продолжались вплоть до XVI-XVIII вв., о чем свидетельствует наличие оружейных бойниц в некоторых из них.

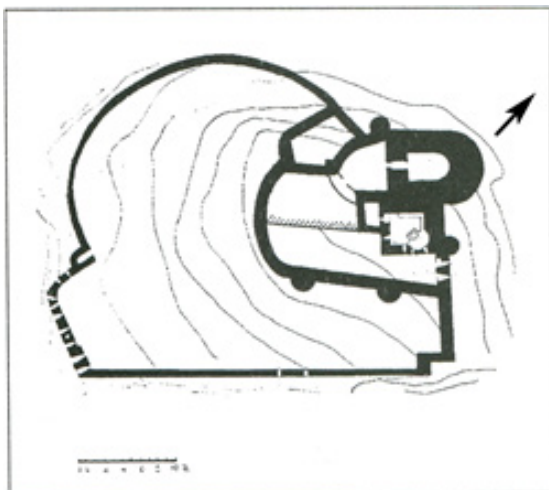

Рис. 4. Крепостной комплекс в ущелье Карцух. План. По П.П. Закаря

Приняв за нижнюю дату строительства комплекса первую половину XIII в., в вопросе определения хронологии его последующих построек, их перестроек и восстановлений следует, с оговорками (см. ниже) согласиться с имеющимися в научной традиции архитектурными описаниями рассматриваемого комплекса или его элементов [17, 190; 13, 67–69].

Как можно предполагать, первой постройкой комплекса была шестизэтажная *главная башня* комплекса (рис. 4), относящаяся

к типу башен с плоским прямоугольным фасадом и округлым тылом. Стены башни сохранились на уровне шестого этажа, за исключением ее восточного угла, обрушенного до уровня третьего этажа. Первый этаж засыпан землей и камнями. Входной проем устроен на уровне второго этажа в юго-западной стене башни, обращенной в сторону долины р. Чысандон. На уровне второго, третьего, четвертого и пятого этажей в этой же стене устроены небольшие четырехугольные оконные проемы. Стены верхнего яруса обрушены. С уровня третьего этажа была полностью переложена южная стена башни и частично переложена юго-западная стена, разрушенные, как полагает Закаря (см. выше), в ходе нашествия Тимура в 1400 г. В ходе этих работ в юго-западной стене была устроена межэтажная лестница и, на уровне третьего этажа, уборная. Шестой этаж башни, по мнению Закаря и последующих авторов, был возведен в XVII в., о чем свидетельствуют небольшие оконные проемы, расположенные на этом уровне по сторонам от двух более широких и высоких оконных проемов и определяемые как бойницы для огнестрельного боя, а также камин [17, 190; 13, 69].

Вместе с тем кладка стен шестого этажа не отличается от кладки стен нижних этажей, возведенных и восстановленных, по мнению Закаря, в XIII-XV вв. Наличие же таких устройств в стенах башни, как камин, уборная и каменная лестница в большей степени характерно для башен региона XVI-XVIII вв. Возможно, что если башня и пострадала в ходе нашествия Тимура в 1400 г. (см. выше), то ее повреждения были незначительными, и основная перестройка могла прийти к XVI-XVII вв., когда в кладке стен, возводимых или перестраиваемых в этот период сооружений комплекса, стали располагаться устройства для ведения огнестрельного боя. Впрочем, для решения вопроса о времени перестройки стен башни необходимо проведение специального исследования. Пока же следует придерживаться хронологии построек комплекса, предложенной Закаря, относя, однако, время строительства главной башни комплекса к первой половине XIII в.

Вероятно, одновременно с башней и смежно с ее юго-восточной стеной была со-

оружена небольшая зальная *церковь*, алтарная апсида которой, чтобы быть обращенной строго к востоку, была устроена в углу, что необычно для христианских культовых сооружений. У западного угла церкви сохранились фрагменты *здания*, расположенного смежно с западной стеной церкви и, как можно предполагать, возведенного одновременно с ней.

Башня, церковь и здание образовывали *цитадель*, будучи обнесёнными *каменной оградой*, возведенной одновременно с указанными постройками или немногим позднее. Стена начинается от западного угла главной башни и продолжается ломанной дугой на юг, затем в прямую поворачивает к юго-востоку и соединяется через почти прямой угол с восточным углом церкви. Общая площадь образуемого таким образом двора цитадели составляет около 60 м². Часть ограды была восстановлена одновременно с восстановлением южной и юго-западной стен главной башни, о чем свидетельствует схожесть наружной кладки их переложённых фрагментов (менее хаотичная, меньшая степень затертости швов известковым раствором, более светлый цвет камней). Тогда же у западного угла главной башни и у восточного угла церкви к оградке были пристроены полуцилиндрические контрфорсы, еще два аналогичных контрфорса были пристроены к юго-восточной стене ограды. При перекладке ограды высота ее стен была увеличена и в верхней их части были устроены бойницы, что может свидетельствовать о том, что работы по перестройке стен башни и ограды проходили не ранее XVI в., или о том, что не ранее этого времени перекладывалась только верхняя часть стен. Вход в цитадель мог быть устроен в одной из переложённых стен каменной ограды. В это же время с наружной стороны северо-западной стены ограды и смежно с ней была возведена *башенная пристройка*. Возможно, она была возведена ранее – некоторое время спустя после возведения стены цитадели.

В XVII в. прилегающая к юго-западной, юго-восточной и южной части каменной ограды часть склона была обнесена еще *крепостной стеной*, которая начиналась от западного угла пристройки, шла дугой на юг, где перед южными скалистыми уступами

склона она поднималась прямоугольным в плане выступом, в котором было устроено множество оружейных бойниц, окно и вход в крепость. Далее ограда шла строго на юго-восток, соединяясь через ломаный изгиб с восточным углом стены цитадели. В целом, контур крепостной стены повторяет контур стены цитадели, но охватывает большую в сравнении с ним площадь, которая составляет около 120 м².

Таким образом, можно утверждать, что начало строительства сохранившихся до нашего времени построек Карцухского крепостного комплекса, следует относить ко второй половине XIII в. и связывать с родом ксанских эриставов Квенипневели, имевшего осетинское происхождение. Будучи расположенным в стратегически важном месте Чысангомского ущелья, являвшемся средоточием локальных горных дорог, комплекс не раз в своей истории оказывался в гуще региональных военно-политических событий: в конце XIII в. он осаждался войсками картлийского царя Давида VIII в ходе его противостояния с имеретинским царем Вахтангом II, которого поддерживал ксанский эристав Шалва; в 1400 г. комплекс, вероятно, подвергся разорению войсками Тимура, но затем был восстановлен; в 1624 г. под стенами комплекса произошло сражение между войском кызылбашей и объединенным грузинским войском, ставшее одним из эпизодов антиперсидского восстания, устроенного моурави Георгием Саакадзе и арагвским эриставом Зурабом, которое было поддержано в том числе и ксанским эриставом Йессе.

Кроме того, представленный источниковедческий и историографический обзор сведений о рассмотренном памятнике продемонстрировал верность подхода, предложенного Р.Г. Дзаттиаты для решения вопроса о датировках башен, относящихся к типу башен с плоским прямоугольным фасадом и округлым тылом, состоящий в том, чтобы сочетать археологические данные, получаемые при полевых исследованиях местоположений конкретных памятников такого типа, и имеющиеся о них сведения письменных источников. Использование этого подхода позволило пересмотреть датировки строительства главной башни комплекса, приня-

тые в литературе и относимые к IV-VII вв. В настоящем исследовании предполагается, что строительство главной башни комплекса, являющейся, по мнению большинства исследователей, его первой из сохранившихся построек, следует относить ко второй половине XIII в. и связывать с родом ксанских эриставов Квенипневели. За свою историю комплекс не раз подвер-

гался осаде и страдал от разрушений, что требовало проведения работ по восстановлению его старых построек или строительству новых. Эти работы, согласно принятому в литературе мнению, проводились в период XV-XVII вв. Однако это мнение требует дополнительной аргументации, для чего необходимо проведение специального полевого исследования.

1. კაკაბაძე ს.ბ. [Какабадзе С.Н.]. საშემოსავლო ნუსხა [Два подходных списка] // საისტორიო კრებული [Исторический сборник]. 1929. წიგნი [Book] 4. С. 1–15. (на груз. яз.)
2. ახლოური დ. [Ахлоური Д.]. ნასოფლარები ქარზობის ხეობაში [Селения в Карчохском ущелье] // ისტორია, არქეოლოგია, ეთნოლოგია [История, археология, этнография]. 2023. № 9. С. 25–45. (на груз. яз.)
3. Грузинские документы IX-XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1982. 273 с.
4. Грузинские церковные гуджари (грамоты). Тифлис: Тип. Глав. управ. намест. кавк., 1881. 154 с.
5. მაკალათია ს.ი. [Макалатиа С.И.]. ქსნის ხეობა, ისტორიულ-ეთნოგრაფიული ნარკვევი [Ксанское ущелье: историко-этнографический очерк]. თბილისი: საბჭოთა საქართველო [Тбилиси: Сабчото Сакартвело], 1968. 114 с. (на груз. яз.)
6. Цховребова З.Д. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 182 с.
7. Дзиццойты Ю.А. Чысайнаг ныхасыздæхты цыбыр афыст [Очерк чисанского говора (осетинского языка)]. Цхинвал: Хуссар Алани, 2008. 366 с. (на осет. яз.)
8. Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия. Цхинвал: Упр. гос. статистики, 2016. 452 с.
9. გვასალია ჯ. [Гвасалиა Дж.]. ქსნის ხეობის ისტორიული გეოგრაფიის საკითხები თბილისი, მეცნიერება [Вопросы исторической географии Ксанского ущелья] // საქართველოს ისტორიული გეოგრაფიის კრებული [Историческая география Грузии. Сборник статей]. თბილისი: მეცნიერება [Тбилиси: Мецниереба], 1967. მ. [Т.] 3. С. 9–54. (на груз. яз.)
10. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 г. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 512 с.
11. Gueldenstaedtius J. Peregrinatio Georgia. Thbilisiis: Sumtibus Academiae acientiarum Georgiae, 1962. Т. 1. 364 с.
12. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб.: Тип. Академии Наук, 1809. 384 с.
13. შიდა ქართლი. მ. 4. ახალგორის მუნიციპალიტეტის არქიტექტურული მემკვიდრეობა. [Шида Картლი. Т. 4. Архитектурное наследие Ахалгорского района]. თბილისი: ილიას ფონდი [Тбилиси: Фонд Ильи], 2008. 273 с. (на груз. яз.)
14. Потерянная Осетия: [сайт]. URL: http://izvestiya-soigsi.ru/rules_for_authors/
15. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. 1980. Т. 7. С. 193–208.
16. Какабадзе С.С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М.: Наука, 1970. С. 103–126.
17. ზაქარაია პ.პ. [Закарая П.П.]. ქართულ ციხესიმაგრეთა ისტორია უძველესი

დროიდან XVIII ს. ბოლომდე [История грузинских крепостей с ранних эпох по XVIII в.]. თბილისი: არქიტექტურა და დიზაინი [Тбилиси: Архитектура и дизайн], 2002. 698 ს. (на груз. яз.)

18. *Вахუშტი Баგრატიონი*. История царства Грузинского. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 337 с.

19. *Вахუშტი*. География Грузии. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1904. 241 с.

20. *Сланов А.А.* Исторические области Южной Осетии. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2017. 224 с.

21. *Закарая П.П.* Фортификационные сооружения Шида-Картли // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1952. №46. С. 122–134.

22. *Закарая П.П.* Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969. 230 с.

23. *Топчишвили Р., Джалабадзе Н., Джаниашвили Л., Багრატიონი Г., Гагошидзе Г., Гогочури Г., Автандилашвили Г.* Трус – исторические и этнокультурные проблемы. Тбилиси: Национальная академия наук Грузии, 2021. 161 с.

24. *Дзаттиаты Р.Г.* Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.

25. *Дзаттиаты Р.Г.* Кто и когда строил башни? // Скифо-аланское наследие Кавказа. Сборник научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2018. С. 33–40.

26. *Дзаттиаты Р.Г.* Царциатские памятники: Едыское городище и могильник. Владикавказ: Ир, 2006. 175 с.

27. *Раишвили Р.М.* Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса 1976-1979 гг. // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 25–46.

28. *Мæргъиты И.Т.* [Маргиев И.Т.] Гуылдзыг мæсгуытæ æмæ сæ арæзтæдты фæдыл хицæн хъуыдытæ [К дискуссии о круглых башнях и их конструкции] // 4-е Миллеровские чтения с международным участием (Материалы научной конференции 11-12 ноября 2014 г.): сборник статей. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2014. С. 207–215. (на осет. яз.)

29. *Сланов А.А.* Башни с «округлой спинкой» на территории Осетии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. 30-е Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 381–383.

Kaziev, Eduard V. – Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); kedmon@rambler.ru

FORTRESS COMPLEX IN KARTSUKH GORGE OF LENINGOR DISTRICT OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA IN WRITTEN SOURCES AND IN SCIENTIFIC LITERATURE DESCRIPTIONS.

Keywords: Kartsukh/Karchokh fortress, towers with a flat facade and a rounded rear, chronology.

The purpose of this study is to provide as complete as possible a historical presentation of fortress complex situated in Kartsukh gorge of Leningorsky district of the RSO. The materials for the study were information from written sources about the complex in question, as well as its descriptions in the scientific literature. The relevance of the work is determined by the need to analyze the available information about the complex, which is contradictory in determining the chronology of its construction. To resolve this issue, the study used the method proposed by R.G. Dzattiaty, which consists of combining in dating towers with a flat rectangular façade and a rounded rear the archaeological data on towers of this type with the written sources available on a particular such monument. According to the accepted scientific opinion, the main tower of the complex, belonging to the specified type of towers, was erected in the 6th-7th centuries. The use of the proposed method made it possible to revise these dating, which constituted the scientific novelty of the study. The

study concluded that the beginning of the construction of the buildings of the complex that have survived to this day should be attributed to the second half of the 13th century and associated with the Kvenipneveli clan of the Ksani eristavis, who were of Ossetian origin. At the same time, the study shares the opinion accepted in the scientific tradition that subsequent work on the reconstruction of the complex was carried out in the period of the 15th-17th centuries. However, it points out the need for additional argumentation of this opinion, which can only be obtained during a special field study.

For citation: Kaziev, E.V. Fortress complex in the Kartsukh gorge of Leningor district of the Republic of South Ossetia in written sources and scientific literature descriptions // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 54 (93). Pp. 5-15. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.93.54.018

References

1. Kakabadze, S.N. *Sashemosavlo nuskha* [Two income lists]. *Saistorio krebuli* [Historical collection]. 1929, book 4, pp. 1–15. (in Georgian)
2. Akhlouri, D. *Nasoplarebi Karchohis kheobashi* [Villages in Karchokhi valley]. *Istoria, Arkeologia, Etnologia* [History, Archaeology, Ethnology]. 2023, no. 9, pp. 25–45. (in Georgian)
3. *Gruzinskie dokumenty IX-XV vv. v sobranii Leningradskogo otdeleniya Instituta Vostokovedeniya AN SSSR* [Georgian documents of the 9th-15th centuries in the collection of the Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Nauka, 1982. 273 p.
4. *Gruzinskie tserkovnye gudzhari (gramoty)* [Georgian church gujari (charters)]. Tiflis, Tip. Glav. uprav. namest. kavk., 1881. 154 p.
5. Makalatia, S.I. *Ksnis kheoba, istoriul-etnograpiuli narkvevi* [Ksan Gorge, (historical and ethnographic essay)]. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo, 1968. 114 p. (in Georgian)
6. Tskhovrebova, Z.D. *Toponimiya Yuzhnoi Osetii v pis'mennykh istochnikakh* [Toponymy of South Ossetia in written sources]. Tbilisi, Metsniereba, 1979. 182 p.
7. Dzitstsoity, Yu.A. *Chysainag nyhasydzæhty tsybyr afyst* [Essay on the Chysan patois of the Ossetian language]. Tskhinval, Hussar Alani, 2008. 366 p. (in Ossetian)
8. *Itogi vseobshchei perepisi naseleniya Respubliki Yuzhnaya Osetiya* [Results of the general population census of the Republic of South Ossetia]. Tskhinval, Upr. gos. statistiki, 2016. 452 p.
9. Gvasalia, J. *Ksnis kheobis istoriuli geografiis sakitkhebi* [Questions of the historical geography of the Ksan Gorge]. *Sakartvelos istoriuli geografiis krebuli* [Collected articles on historical geography of Georgia] Tbilisi, Metsniereba, 1967, vol. 3, pp. 9–54. (in Georgian)
10. Gldenstdt, I.A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 g.* [Journey across the Caucasus in 1770-1773]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 512 p.
11. Gueldenstaedtius, J. *Peregrinatio Georgia*. Thbilisiis, Sumtibus Academiae acientiarum Georgiae, 1962, t. 1. 364 p.
12. Gldenstdt, I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. St. Petersburg, Tip. Akademii Nauk, 1809. 384 p.
13. *Shida Kartli. M. 4. Akh'algoris munitsipalitetis arkitekturuli memkvidreoba* [Shida Kartli. Vol. 4. Architectural heritage of Akh'algori region]. 2008. 273 p. (in Georgian)
14. *Poteryannaya Osetiya*: [sait]. Lost Ossetia: [website]. URL: <https://lostosetia.ru/>
15. Tsulaya, G.V. *Gruzinskii "Hronograf" XIV v. o narodakh Kavkaza* [Georgian "Chronograph" of the 14th century about the peoples of the Caucasus]. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collected articles]. 1980, vol. 7, pp. 193–208.
16. Kakabadze, S.S. *Khronika ksanskikh eristavov nachala XV v.* [Chronicle of the Ksani eristavis of the beginning of the 15th century]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik*. 1968 [Written monuments of the East. Historical and philological studies. Yearbook. 1968]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 103–126.

17. Zakaraia, P.P. *Kartul tsikhesimagreta istoria udzvelesi droidan XVIII s. bolomde* [History of Georgian fortresses from the early eras to the 18th century]. Tbilisis, arkitektura da dizaini, 2002. 698 p. (in Georgian)
18. Vahushti Bagrationi. *Istoriya tsarstva Gruzinskogo* [History of the Kingdom of Georgia]. Tbilisi, Mecniereba, 1976. 337 p.
19. Vahushti. *Geografiya Gruzii* [Geography of Georgia]. Tiflis, Tip. K.P. Kozlovskogo, 1904. 241 p.
20. Slanov, A.A. *Istoricheskie oblasti Yuzhnoi Osetii* [Historical regions of South Ossetia]. Vladikavkaz, IPP im. V.A. Gassieva, 2017. 224 p.
21. Zakaraya, P.P. *Fortifikatsionnye sooruzheniya Shida-Kartli* [Fortifications of Shida Kartli]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief papers on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture]. 1952, no. 46, pp. 122–134.
22. Zakaraya, P.P. *Drevnie kreposti Gruzii* [Ancient Fortresses of Georgia]. Tbilisi, Merani, 1969. 230 p.
23. Topchishvili, R., Dzhalabadze N., et al. *Truso – istoricheskie i etnokul'turnye problem* [Truso – historical and ethnocultural problems]. Tbilisi, National Academy of Sciences of Georgia, 2021. 161 p.
24. Dzattiaty, R.G. *Kultura pozdnesrednevekovoii Osetii* [The culture of late medieval Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 432 p.
25. Dzattiaty, R.G. *Kto i kogda stroil bashni?* [Who built the towers and when]. *Skifo-alanskoe nasledie Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov* [Scythian-Alanian Heritage of the Caucasus. Collection of Scientific Papers]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2018, pp. 33–40.
26. Dzattiaty, R.G. *Tsartsiat'skie pamyatniki: Edysskoe gorodishche i mogil'nik* [Tsartsiat archaeological sites: Edys settlement and burial ground]. Vladikavkaz, Ir, 2006. 175 p.
27. Ramishvili, R.M. *Arkheologicheskie izyskaniya v zone stroitel'stva Zhinval'skogo gidrotekhnicheskogo kompleksa 1976–1979 gg.* [Archaeological research in the construction zone of the Zhinvali hydraulic engineering complex 1976-1979]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Gruzinskoii SSR* [Archaeological research in new buildings of the Georgian SSR]. Tbilisi, Metsniereba, 1982, pp. 25–46.
28. Margity, I.T. *Guyldzyg maesguytæ æmæ sæ aræztædty fædyl hicæn h"uydytæ* [To the discussion of the round towers and their construction]. *4-e Millerovskie chteniya s mezhdunarodnym uchastiem (Materialy nauchnoi konferentsii 11-12 noyabrya 2014 g.): sbornik statey* [4-th Miller Readings with International Participation (Proceedings of the Scientific Conference of November 11-12, 2014): collection of articles]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014, pp. 207–215. (in Ossetian)
29. Slanov, A.A. *Bashni s "okrugloi spinkoi" na territorii Osetii* [Towers with a "rounded back" in Ossetia]. *Noveishie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. 27-e Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Latest Archaeological Discoveries in the North Caucasus: Researches and Interpretations. The 30-th Krupnov's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference]. Mahachkala, Mavraev, 2012, pp. 381–383.